

Хван Мун Су тяжело было передать свои ощущения. Он словно плюхнулся в воду, но и не воду одновременно. Холодную, какую-то скользкую и крайне недружелюбную.

Парень чувствовал враждебные взгляды. Это, наверное, одна из самых «базовых» способностей достаточно сильных мастеров боевых искусств, и сейчас эта способность сыграла с ним настолько злую шутку, что жителя альтернативной Кореи чуть не выкинуло из тени, и лишь осознание того, что за пределами этого странного места его ждёт не менее ужасная судьба, помогло парню найти в себе силы проигнорировать...

Взгляды.

Они были повсюду: сверху, снизу, слева, справа. Везде.

«И это сюда тянет основателя пути?» — против воли задрожало тело едва не потерявшего связь с реальностью парня.

Как он собирался это объяснить нищим? Будут ли они рады такому пути?

...может, судьба бомжей без цели не такая уж и плохая?..

Пожалуй, ему нужно было многое обдумать.

Не сейчас, конечно.

Наверное, парень бы и погрузился привычно, несмотря на ситуацию, в свои мысли, попытался бы спастись от реальности в коконе собственных мыслей, но здесь это было физически невозможно.

Взгляды. Взгляды злые, голодные. Как Хван Мун Су чувствовал связь с нищими, так и с местными обитателями, пусть и очень слабо: чувства просто размывались в тени. Казалось, что сама тень, эта странная холодная вода, хотела его сожрать, но то ли не могла, то ли не хотела, то ли не «воспринимала» его, то ли демоны Преисподней с этим, какое ему дело до этого сейчас?.. В конце концов, Хван Мун Су сроднился с тенью и, грубо говоря, где-то сам стал немного ей.

Самое необычное, что парень всё ещё видел «материальность». Будто в ней и был. Он не находился где-то глубоко в тени, лишь на верхних уровнях, из-за чего всё ещё продолжал видеть материальный мир. Материальный мир, что потерял краски и словно перестал казаться таким объёмным.

Скорее всего, если он погрузится ещё глубже, то окончательно потеряет связь с реальностью и отправится в неизвестность. Его судьба может быть хуже смерти.

Хван Мун Су прикусил губу. По крайней мере, пока всё хорошо и его вроде пока никуда не уносит.

Пока.

«Мне нельзя терять время!» — таки смог найти в себе силы Хван Мун Су и...

Поплыл?..

Тяжело было передать то, что с ним сейчас происходило. Безусловно, он сделал шаг. Тягучий, какой-то медленный, аккуратный, но... На чём он стоял? Как он стоял? Как двигался? Туда ли

двигался? Становился ли он ближе, дальше? Что происходит там, наверху-внизу-перед ним? Он не понимал. Вроде

бы... он уже ближе?

«Ч-что... что я на этот раз сделал не так?!»

Тут до Хван Мун Су неожиданно дошло: Ци!

Парень услышал, как тени засмеялись. Либо ему так показалось. Не теряя больше ни секунды, опрометчивый читака задействовал свою энергию, что покрыла его и ещё больше защитила от окружающего холода... э-э-э, холодом. Честно говоря, это немного вызвало у парня диссонанс: спектр энергии внутри его источника был подобен здешнему холоду (именно благодаря этому он вообще смог поймать «частоту» этого плана существования), но при этом неуловимо отличался. Как два брата-близнеца — такие похожие, но разные.

...наверное, ещё и конкуренты.

Откинув глупые мысли, непроизвольно захихикав, Хван Мун Су уже намного увереннее поплыл-побежал вперёд, на этот раз точно уверенный, что двигается туда и при этом двигается «правильно». Всезнающий читака видел, как там, в материальном мире (и при этом тут), продолжала развиваться пугающая битва, и ему даже удалось увидеть мельком бесцветный силуэт мелькавшей то тут, то там длинноволосой женщины.

«Это ведь Божественный Вор, — стали круглые глаза паренька. — Божественный вор — женщина, — окончательно сложилась ситуация в голове читака. Всё стало таким простым и понятным. Свет практически не действовал на него, позволив чуть лучше, пусть и весьма специфически, рассмотреть битву двух по-настоящему могущественных мастеров. Он чувствовал отдалённо жар, но холодная тень защищала его слишком хорошо. — Бедный хён...»

Ему правда было жалко Ан Хаяна.

То, что он опять вляпался, Хван Мун Су мог сказать точно.

Даже зависти не было.

Оказавшись у статуи Будды, чувствуя, как верхние (правда, бом... нищие бы в один голос сказали, что это уже никакие не «верхние») уровни тени задрожали под воздействием чужой Ци, парень прикоснулся к статуе, попытавшись погрузить в неё руку. Пусть с небольшим сопротивлением, словно он погрузил свою руку во что-то очень вязкое и липкое (а он, между прочим, и так чувствует себя так, будто в воде), но статуя поддалась, позволив материальному телу практически буквально пройти через такой же толстый материальный объект.

Многомерность и несуществование-существование стены в другом измерении можно опустить, да.

Тяжелее всего Хван Мун Су было протолкнуть голову. Не физически, но психологически. Его сознание упорно умудрялось отрицать то, что его голова может безболезненно пройти через стену, и из-за этого же его тушка на самом деле умудрилась застрячь на полпути к цели. Наверное, если бы не усилившийся смех (это же смех?..) теней и вспыхнувшая злость на собственную слабость, читака мог на самом деле согнуть крайне ужасной и вместе с этим странной смертью.

...нет, ну не лишать же полностью превозмоганий?..

«Я никогда не слышал про такие техники, — мысленно начал ругаться парень, застучав от страха зубами. Ощущение того, что его голова умудрилась пройти через что-то, было для него совершенно новым и неповторимым. — Я вообще не должен был таким заниматься! Это хён сражается, а я...»

Оказавшись внутри статуи, взгляд Хван Мун Су упёрся на скромно стоявшую маленькую шкатулку из дерева, что, безусловно, ждала своего часа на небольшой возвышенности. Очевидно, это, — точнее, то, что было внутри, — и было тем, за чем пришла монахиня со своими ныне мёртвыми... подчинёнными.

«То, что внутри, стоило всех тех испытаний?» — мысленно почесал голову парень, взяв шкатулку в руки.

На самом деле, руки парня едва не прошли сквозь сокровище, но он вовремя сориентировался и, по опыту своей одежды примерно понимая, что нужно делать, затащил сокровище к себе в тень.

Воровато оглянувшись, читака уже думал уйти, как...

Статую Будды, в которой находился Хван Мун Су, поразила странная вспышка света. Вероятнее всего, монахиня по ней попала больше случайно, но легче от этого не стало.

Парень, забыв как дышать (интересно, в тени есть воздух, и если нет, то чем он дышит?..), только и успел сделать, что рефлекторно упасть на землю, начав молиться всем известным богам об удаче. Пусть читака и находился немного не в материальном мире, но воздействие было до того сильным, что едва не задело и его.

Глаза читака сузились.

«Ч-что...»

Хван Мун Су неожиданно почувствовал нечто странное в глубине своего сердца. Нет, это было даже не странно, а как-то... противоестественно.

Сомнения.

На него накатили такие сомнения, что ему стало тяжело встать. Захотелось просто остаться лежать со шкатулкой в руках и поплакать.

Правильно ли то, что он делал?

Сможет ли он действительно вернуться к родителям?

Возможно, он уже навсегда останется в этом странном мире?

...в мире ли?

Это ведь всё виртуальная реальность, да?! Он всё это время был в виртуальной реальности! Он так и знал! Всё казалось слишком нереальным! Не может же обычный роман на самом деле существовать, не так ли?! Это же абсурд! Всё это время, что он провёл...

Хван Мун Су не выдержал и правда заплакал. Он понятия не имел, что с ним сделал свет

монахини и какую пугающую технику она использовала, но из глубины его души вырвались все его сомнения, что он копил годами. Они так сильно по нему ударили, что паренёк, плакавший последний раз в детстве только из-за какой-то глупости, просто не мог с ними справиться.

«Не могу, не могу, не могу, не могу...»

Хван Мун Су искренне пытался отогнать эти мысли, попытался хотя бы встать, чтобы помочь товарищам, однако просто не мог.

И, словно этого мало, вновь пришли тени.

Они начали словно на самом деле выползать из самых закров нематериального плана и, как ни странно, сознания. Тени окружили Хван Мун Су. Существа были так близко к нему, как никогда ранее.

Их смех стал громче.

Громче и громче, ближе и ближе.

«ХаХахА-хА-хА-ХА-хА»

«Ха-АХХААХХАХ-АхаХХАХАХА»

«ХАХАхАХАхАхАх!!!»

Тени смеялись со всех сторон. Они презирали его. Не было ненависти или желания сожрать — лишь чистое презрение и насмешка. Презрение и насмешка, презрение и насмешка...

Тяжело сказать, чего они добивались (добивались ли вообще?), но их приход и смех для парня стали настоящим спасением.

Смех теней чем-то напоминал ведро холодной воды, которое решили вылить на находившегося в полудрёме паренька. Он, плача, неожиданно засмеялся вместе с тенями, чувствуя, как по его телу прошла волна холодной энергии, вырвавшаяся напрямик из источника. Его сила буквально смыла навеянные сомнения, спасая от воздействия по-настоящему мерзкой техники.

«Путь храмовников в познании себя, мира и достижения внутренней гармонии какой-то слишком демонический», — хихикнул парень, вытерев слёзы, следуя заветам хёна, показав теням средний палец.

Тени, перестав смеяться, уплыли-ушли обратно в глубину тени.

Обиделись.

Хван Мун Су на трясущихся ногах встал, облизав пересохшие губы.

Не успел он ничего толком сделать, как раздался очередной грохот. Грохот и...

Треск.

***

Кан Ё Джон затруднялась сказать, почему решила помочь молодым мастерам и пошла в схватку. Для неё это было слишком уж нетипично: ныне мёртвая женщина умела убегать, но воин из неё был всегда откровенно отвратный. Знала бы уважаемая Божественный Вор про сто первый приём карате, то могла бы с уверенностью сказать, что овладела им на всю тысячу процентов, а того глядишь, и вовсе приложила руку к его созданию.

И тем не менее — сейчас она, пусть изначально такого отпора и близко не ожидала, рисковала своим существованием ради...

А ради, собственно, чего?

Ради нового приобретения в виде молодого мастера? Но почему она не поступила как обычно, и просто не взяла себе то, что хотела, без лишних вопросов? Зачем пошла на уступки? Возможно ли, это из-за его особенности существования в виде призрака? Уникальной души? Возможно, она подсознательно захотела сделать мальчишку своим не только на словах и для этого решила пойти на уступки? Неужели её интересовало его мнение?..

Интересовало ли её вообще когда-то чужое мнение?

Нет, не интересовало. Никогда. Женщину интересовало лишь её безумие и желание подавить «чесотку» в голове. Её не интересовало то, что украденные ей сокровища могли быть для кого-то ценными или нужными. Она слепо стремилась к своей цели и за это поплатилась своим нынешним положением.

У частенько просыпавшейся из спячки женщины за бесчисленное количество лет было время, чтобы подумать. И она думала. Безумно много думала.

Вместе же с этим дискомфорт внутри рос: ей нужно было что-то украсть. Что-то присвоить себе. Но что она могла присвоить, если и так всё, что было в гробнице, уже принадлежало ей? Что ей было красть? У кого? У самой себя?

Пустота в душе росла, скапливалась. Лишь длительные спячки помогали ей коротать время, да разбор и усовершенствование собственной гробницы. Когда ей было особенно скучно, женщина почитывала украденные ей техники, но для того, кто при жизни практически достиг вознесения, это всё равно, что читать книжки по математике за класс эдак четвёртый-пятый. Иногда попадаются книжки и за класс восьмой-девятый, что даже может быть интересно, но фактического толка для клептоманки не было.

Она не могла выйти. Она не могла ни с кем пообщаться. Она не могла удовлетворить всё усиливающийся зуд. Те сокровища, что у неё уже были, ничем иным, как обычными безделушками, простым хламом, и не воспринимались. Честно говоря, она уже и не верила, что сможет выбраться из гробницы, навечно оставшись запертой в собственной идее и страхе окончательно умереть без исполнения собственной мечты.

Но...

Какая у неё была мечта?

Чего она на самом деле желала?

Украсть Небо?

Возможно ли, но в той ли форме?..

Или нет? Нужно ли ей Небо? Что ей вообще нужно?.. Чего она добивается? Есть ли вообще смысл в том, что она делает?

«Что со мной?»

Призрак женщины одернул себя, больше рефлекторно отлетев от становившейся всё более скорбной монахини. В какой-то момент поединка пожилая женщина начала плакать, что сначала развеселило получавшую настоящее удовольствие от переизбытка давно забытых ощущений клеptomанку, пока в какой-то момент не начало смущать. Вызывать сомнения.

Теперь же...

Что это за мысли? Что с ней?

Нет, не так...

Что монахиня сделала с ней?!

Кан Ё Джон неожиданно прикоснулась к своему призрачному лицу, с удивлением почувствовав рассыпавшуюся в ничто слезу.

Она сама заплакала.

— Даже бессмертные сомневаются, предок, — вытерла монахиня слезу, прикоснувшись к сердцу. Она не видела призрака буквально, но чувствовала сомнения в её сердце. — Как жаль, что мне пришлось использовать учения Будды во зло... Как жаль, как жаль...

Чем дольше шёл их поединок, обмен энергией, что нёс в себе идею и мысли мастера, тем сильнее пожилая женщина напоминала искажённый образ прошлой себя: её морщинистое лицо бледнело и высыхало, тело становилось всё более костлявым и тощим. Черты лица заострились, челюсть будто бы вытягивалась, холодный свет принимал всё более и более пугающую форму.

Не оставалось никаких сомнений, что с монахиней сделали что-то по-настоящему мерзкое и пугающее.

Кан Ё Джон перевела взгляд на давно державшийся исключительно на честном слове энергетический барьер молодых мастеров. Женщина затруднялась сказать, задело ли их порочной техникой или нет, но сам факт того, что они всё ещё держались, даже вызвал у неё уважение: в подобной ситуации продолжать стоять и не падать могли либо самые сильные духом, либо самые упорные, либо откровенно упоро...

Ну, понятно.

Пожалуй, порочная техника монахини действительно заставила задаться её вопросом, зачем она ввязалась в это всё и так рьяно пытается помочь совершенно ей незнакомым молодым людям, с которыми она в обычном случае максимум развлеклась в гробнице и, если бы они ей понравились, отправила восвояси с какими-нибудь безделушками. Особо удачливые и наследия какие смогли бы получить — не пропадать же им в гробнице навечно. Это было бы совсем не интересно. Всё указывало на то, что виноват действительно один конкретный мальчишка, который буквально только что, воспользовавшись ситуацией, сбежал от неё обратно к своему телу.

...женщине такой побег определённо не понравился, и она в будущем собирается с наглцом поговорить на тему послушания отдельно...

Неужели так сильно возжелала, чтобы прекрасный молодой демон сам проявил к ней внимание? Поблагодарил её, сказал искренне приятное слово?..

Учитывая, что, не имея физического тела, Божественный Вор в принципе не могла испытывать ничего связанного с похотью и другими плотскими желаниями, её мотивы несли больше... м-м-м, духовный характер. Естественно, напрямую связанный с её зудом в голове.

В сущности, ещё до того, как женщина увидела лицо мальчишки, она уже почувствовала интерес, соприкоснувшись с его странными нитями. Ощувив и увидев вкус его непонятного, какого-то нелогичного и чуждого привычным категориям мышления пути. Интерес захватил скучающую, вероятно, не одно столетие женщину.

Мальчик был уникальным, это мог сказать даже слепой.

Войдя же быстро во вкус, интерес длинноволосой, откровенно простой и во многом... э-э-э, антисоциальной, жестокой, безумной клептоманки, перерос во влечение.

Не плотское, но духовное.

И теперь она действительно помогала тем, на кого ей было плевать. Ещё и так глупо в начале облажалась, не попытавшись сразу убить внешне безобидную монахиню. Можно ли сказать, что она сама себя обманула и заманила в ловушку?

Всё так просто, но так сложно.

«Не стара ли я для этого?.. — была немного шокирована собственными выводами женщина, чувствуя, как к призрачному горлу вновь подступил комок. До этого немного успокоившийся в голове зуд, немного успокоившийся при появлении её билета в жизнь и свободу, вновь дал о себе знать с новой силой. — Глупости. Я ещё и близко не дошла до конца пути. Сознание определяет форму и любой зрячий мастер скажет, что я молода и красива».

Наверное, нужно будет потом уточнить у наглого демонёнка, когда она его поймает.

Женщина вновь сосредоточила своё внимание на старухе, что терпеливо позволила одной клептоманке разобраться со своими мыслями и даже дала немного перевести дух жертвам обстоятельств, что произвольно попали в самый эпицентр битвы двух могущественных мастеров.

Конечно, нельзя было отрицать, что и сама пожилая последовательница учений Будды устала, вступив в бой с пусть сильно ослабленной, но, помяни её добрым словом все жертвы воровства, легендой Мурима, однако ситуация была таковой, что...

— Как жаль, что вам приходится терпеть эти страдания, — прерывисто вздохнула женщина, чьё тело начало биться в лёгких конвульсиях. — Как жаль, что у меня недостаточно сил быстро вас убить и подарить лёгкую смерть... Как жаль, как жаль, как жаль...

Тело монахини затряслось, она себя обняла и что-то неразборчиво зашептала. Вместе с этим тело не принадлежавшей самой себе женщины менялось всё неуловимо сильнее, превращая её буквально в живой, высушенный труп.

Даже цзянши выглядели лучше неё, а это, честно скажем, охренеть какой показатель.

— Видит Будда, я не хотела этого... — скрипучим голосом провозгласила монахиня, покрывшись холодным, каким-то мерзко-красным, явно противоречащим пути Будды, светом.

Кан Ё Джон только и успела, что потянуться незримо к этой силе и попытаться её украсть, чтобы остановить удар, но её ветер неожиданно дрогнул.

«Что?»

Женщина удивлённо открыла призрачный рот.

Раньше она считала монахов безобидными (и немножко хитрыми) добряками, что заняли крайне удобное положение в обществе Мурима, но теперь, соприкоснувшись с обезумевшей могущественной монахиней...

Скажем так, женщина прониклась, осознала и изменила своё мнение.

Осталось попросить понять и простить.

Вспыхнул кроваво-красный свет.

Нищие с сектантами, что в этот момент уже натурально надрывались, пытаясь защититься от пагубного воздействия монахини, просто попадали и закричали. Не от боли, а от горя. Барьер развеялся, словно его и не было.

И так находившиеся на грани обморока нищие заплакали в буквальном смысле кровавыми слезами и начали что-то неразборчиво кричать. Многих из них таки отключило, отправив в спасительные кошмары.

Громовая Смерть начал кричать о том, чтобы его мать вернулась к жизни. Его товарищи не могли ничего произнести, просто молча плача, держась за сердце.

Довольно стеснительный мастер из секты Цветущей Сливы, негласный лидер молодых мастеров, затрясся и начал что-то кричать о том, что его тело гниет. Его товарищи катались, словно пытаясь с себя что-то смыть.

...видимо, они таки смогли почувствовать отголоски того, что с ними едва не сделали...

Целительница, смеясь, буквально умытая слезами, начала давать себе пощечины и сразу лечить. Удар за ударом, удар за ударом...

...кажется, у кого-то было в секте целителей достаточно тяжелое детство...

Джун Ён А, в отличие от большинства, не стала кричать и просто упала на колени. Взгляд девушки был расфокусированным. Перед глазами она видела море крови, слышала крики десятков и сотен детей, и вместе с этим чувствовала свою слабость. Осознание того, что она ничего не может сделать.

Бесполезная.

Обычный третьесортный мастер, без таланта или влияния, которому каким-то чудом повезло вернуться... куда-то. Не в прошлое. Прошлое и осталось таким же ужасающим. Вернуться в настоящее, что может повторить судьбу прошлого.

Карп ей дал хорошее для боевых искусств тело, но третьесортный мастер есть третьесортный мастер. Обуза. Возомнившая о себе что-то неудачница, что наивно поверила в то, что может решать судьбу всего Мурима.

Джун Ён А легла на землю, свернулась калачиком и просто погрузилась в собственные мысли. Буквально утонула во внутренних демонах, что копились в её сердце всё это время.

Божественный Вор, в отличие от более слабых жертв воздействия техники, чувствовала себя немного лучше — по крайней мере, ей не хотелось, кхе-кхе, вскрыться. Правда, в этом плане её содействие особо и не нужно было: поток энергии к её призрачному телу нарушился и призрачный образ начал мигать, кажется, желая окончательно потерять связь с миром и отправиться в следующий путь.

До этого верный, ласкающий сущность ветер, словно утекал из-под рук, расплзаясь дальше по гробнице, впитываясь стенами и ещё не повреждёнными энергетическими узлами.

«От той, кто всю жизнь бежал от кого-то, убегает собственная сила», — иронично засмеялась Кан Ё Джон, схватившись за голову.

Зуд стал таким невыносимым, таким ужасным, таким сильным и страшным.

Ей так хотелось что-то взять, так хотелось что-то присвоить себе, так сильно...

Она знала, что у неё ничего не было. Она знала, что все её сокровища для неё ничего не значат. Она знала, что её дрянная попытка вернуться к жизни лишь немного продлит её агонию. Она знала, что иной судьбы она и не достойна.

Она знала...

Призрачное тело женщины дрогнуло. Она не выдержала и упала.

Монахиня, больше напоминая полумертвого демона, чувствуя боль, что она причинила, с грустью нарисовала один понятный ей жест в воздухе и начала молиться. Её молитва была тихой, она буквально тонула в криках тех, кому она причинила боль, но её это не смущало. Кроваво-красный свет осветил пространство, окончательно исказив образ статуи Будды.

Кто бы мог подумать, что её действительно заставят пойти на такое.

Её путь порочен.

Её путь неправильный.

Она уже не сможет пойти дальше. Она уже пошла против собственной идеи и убеждений. Поток её энергии нарушился и исказился.

Она не принадлежала сама себе. Её путь уже не принадлежал ей.

— Как жаль, — вытерла слезу пожилая женщина, практически вплотную подойдя к призраку Божественного Вора. Страдающее сердце было для неё лучшим ориентиром. — Мёртвые должны оставаться мёр...

Старушка не успела договорить. По стене неожиданно прошелся удар.

Затем второй.

Затем третий...

Божественный Вор, что-то поняв, громко засмеялась.

Бум!

— Я хочу умереть...

— За что...

— Демон, демон, демон, демон!!!

Стена таки не выдержала: её буквально выбили ноющие мастера боевых искусств, которых также, кажется, поразило немного силой монахини. И тем не менее они продолжали стоять, просто не имея возможности противиться не менее страшной и во многом мерзкой силе — духовным нитям.

Атмосфера неуловимо изменилась.

Хнычущие, дергающиеся, плачущие тела разошлись, позволив выйти вперёд Ан Хаяну, что, поддавшись торжественной атмосфере, снял маску и встал напротив монахини, щеголяя широкой, наглой улыбкой.

Его чёрное сердце, чувствуя настрой хозяина, быстро билось, разгоняя по телу чёрно-синюю энергию, что бурными потоками распространялись вокруг него. Как ни странно, его чёрное сердце было идеальным антиподом силе монахини.

Сомнения? Стыд? Так ещё и навеянный кем-то?..

Это съедобно?

Божественный Вор, чувствуя всё усиливающийся зуд в голове, если бы у неё были силы, могла на Ан Хаяна и просто-напросто наброситься, но, к счастью, испортить появление парня у неё не получилось в силу...

Не самых приятных обстоятельств.

Настоятельница храма, переведя своё внимание с клептоманки на Ан Хаяна, прищурилась: что-то ей в парне сильно не понравилось, и она даже сначала не могла сказать, что именно.

— Что с твоим сердцем, дитя?

Старушка взмахнула костлявой, высушенной рукой, и по парню ударил свет, что он достаточно легко разбил энергией чёрного сердца. Всё же, теперь он был в своём материальном теле, да и сама монахиня была уже далеко не такой бодрой, как изначально.

Ан Хаян выжидательно помолчал, вытянув руку.

Рядом с ним, фактически выпав из тени, на негнущихся ногах вышел Хван Мун Су со шкатулкой в руках. Пришибленный читака, что едва успел избежать воздействия нового удара, молча передал под взглядом вытянувшей (и так вытянутое, между прочим) лицо старушки шкатулку, после чего на всё тех же негнущихся ногах провалился в тень, понимая, что он тут ну вот совсем лишний: даже вероятность того, что он сможет помочь страдающей нуне, была крайне мала, а уж хёну...

Не-е-ет, из него такой себе воин. Ему на сегодня приключений хватило, как и на следующую неделю, как и на следующую жизнь...

Ан Хаян же, смотря в загоревшиеся глаза монахини, неспешно, даже показательно открыл шкатулку, достав оттуда небольшой красный шарик. Шкатулку он беззаботно откинул, словно какой-то мусор.

...почему-то у Ан Хаяна возникли мысли, что добрые храмовники, ну вот никак не связанные с помешанной настоятельницей, захотят сильно пожать ему шею, если узнают, как он обошёлся со шкатулкой.

— Что с моим сердцем? — окинул задумчивым взглядом лекарство парень. — У меня оно просто чёрное.

Нет, ну как тут не воспользоваться моментом и не повыделываться?

Старушка, внешне всё меньше напоминая человека, коротко кивнула. Кроваво-красный свет пульсировал вокруг неё, словно в такт её сердца.

— Отдай пилюлю, маленький демон, и я позволю вам уйти. Всем, — совсем уж расщедрилась старуха, прислушавшись к чему-то. — Ты всё равно не сможешь её принять. Мне не хочется причинять вам боль. Позволь воспользоваться изъяном моего проклятья. Не заставляй меня жалеть ещё больше.

— О? — приподнял бровь Ан Хаян, презрительно улыбнувшись. Его чёрно-красные глаза весело заискрились. Ну, либо ему так хотелось думать. — Да ну?

Настоятельница храма печально вздохнула.

— Если ты примешь сейчас эту пилюлю, то твоё тело разорвёт, а путь — не выдержит. Её могут принять лишь те, кто находится уже на пике истинной трансцендентности и готов открыть своё сердце исто...

Настоятельница выпучила глаза на парня, что беззаботно разломал пополам пилюлю, половинку кинул на землю, растоптав, а вторую половинку — закинул в рот.

— Обычно такие подарки судьбы герои получают либо ближе к концу, либо в самые ответственные моменты. Братец, я прав?

Из тени вылезла рука и показала Ан Хаяню большой палец, но быстро залезла обратно.

Кхм.

Медленно, показательно пережевывая пилюлю, парень её проглотил, почувствовав, как быстро начало разгораться тело, что, впрочем, очень удачно тушила, как бы парадоксально это не звучало, вспыхнувшая неконтролируемая ярость монахини, подпитывающая его буквально начавшее танцевать чёрное сердце.

Ан Хаян поднял руку и, к чему-то прислушавшись, сделал лёгкий пасс.

Трясущиеся тела сзади него улетели за пределы помещения.

«Их эмоции всё равно практически ничего не дадут, — поморщился как от изжоги жрущий всякую дрянь "демон". — А так, глядишь, ещё и выживут. Карму себе подчищу».

Ещё один пасс.

Тела его товарищей подлетели и были аккуратно уложены в углу помещения. Так себе помощь, но он не рискнул протаскивать их тела прямо под носом настоятельницы самого праведного образования всего Мурима. Мало ли, ещё и сожрёт их души.

— Прикольнo, — посмотрел парень на свою ладонь как на восьмое чудо света.

Кажется, скоро ему станет очень плохо, но пока он чувствовал себя настолько хорошо, что ему хотелось крушить горы и... м-м-м, бегать по воздуху?

И, кажется, сейчас у него были силы на это.

Если же он переживёт эту авантюру, то...

— Ну что, ископаемое, — широко улыбнулся Ан Хаян, расставив руки, распространив настолько много чёрно-синей энергии в окружающее пространство, что стены начали подрагивать, с трудом выдерживая давление двух настолько концентрированных спектров энергии. — Попробуй напасть!

Настоятельница храма, безумно зарычав, кинулась на парня.

...гробнице там окончательный конец не настанет?..

<http://tl.rulate.ru/book/74324/2451345>